

DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.1.07
УДК 279.125(47+57)

ОСКОЛКИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО: ЭВОЛЮЦИЯ УЧАСТИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПЯТИДЕСЯТНИКОВ

В.П. Клюева

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, Тюмень, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 17 января 2021 г.
Принята: 01 марта 2021 г.
Опубликована: 15 апреля 2021 г.

Ключевые слова:

пятидесятники, протестантизм, эксклюзия, маргинальность, советские практики, религиозные меньшинства, религиозная повседневность, поздний СССР.

АННОТАЦИЯ

Проанализированы советские и современные пятидесятнические практики участия/неучастия в общественной жизни. Автор отвечает на вопрос, какие изменения претерпели эти практики в пятидесятнической среде и можно ли говорить, что советский опыт по-прежнему оказывает влияние на формирование норм и практик в среде консервативных пятидесятников. Работа написана на эмпирических материалах, собранных в городских и сельских общинах европейской части России, Урала, Сибири и Казахстана в 2010-х годах. Основным методом работы был сбор и анализ биографических нарративных интервью. Собранные нарративы были дополнены документами органов власти (отчеты, информационные записки, аналитические справки региональных уполномоченных по делам религий) из центральных и региональных архивов и эго-документами верующих (свидетельства, воспоминания, письма и заявления).

Советские пятидесятники в евангельской среде выделялись особыми религиозными практиками. Им был присущ общественный изоляционизм, большинство общин не регистрировались государством. Подобная ситуация способствовала вариативности существования в советской государственно-конфессиональной системе.

Пятидесятники в советское время создали собственное внутреннее пространство со специфичными способами коммуникации, регламентацией общинной жизни, создавая собственные смыслы (не)участия в повседневной жизни светского общества и советских практиках. Они выработали стратегию пассивного участия при прохождении военной службы, имели собственные представления о возможности получения высшего образования. Они имели собственный взгляд на явления общественной и культурной жизни. Несмотря на социальную эксклюзию на идеологическом уровне, пятидесятники были достаточно интегрированы в советскую повседневность. В постсоветский период большинство ограничений перестало существовать и верующие смогли легко адаптироваться к ситуации. При этом они остались в определенных границах взаимодействия с обществом и другими верующими, основанных на теологических и доктринальных принципах. В настоящее время в пятидесятнических церквях по-прежнему сохраняются границы допустимого поведения в повседневной жизни, в том числе опирающиеся на советский опыт.

© ПНИПУ

© **Клюева Вера Павловна** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5594-3952>, e-mail: vormpk@gmail.com.

© **Vera P. Klyueva** – Candidate of Sciences in History, Leading Researcher,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5594-3952>, e-mail: vormpk@gmail.com.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

FRAGMENTS OF THE SOVIET PAST: EVOLUTION OF CONTEMPORARY RUSSIAN PENTECOSTALS

Vera P. Klyueva

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 17 January 2021

Accepted: 01 March 2021

Published: 15 April 2021

Keywords:

Pentecostals, Protestantism, the late USSR, the Soviet practice, religious minority, religious everyday life, social exclusion, marginality.

ABSTRACT

Soviet and modern Pentecostal practices of participation/non-participation in public life have been analyzed in this article. The author has formulated a question of research: does the Soviet experience influence the formation of norms and practices among conservative Pentecostals? In this article the author used field materials collected in urban and rural communities of the European Russia, the Urals, Siberia and the Republic of Kazakhstan in the 2010s. The main method of data collection is the Biographical Narrative Interview Method. These narratives were supplemented and verified by documents of government authorities from central and regional archives and ego-documents of believers (testimonies, memoirs, and letters).

Soviet Pentecostals created their own internal space with specific ways of communication, regulation of community life. Soviet Pentecostals in the Evangelical community were distinguished by specific religious practices. They were characterized by social isolationism. They created their own meaning of participation/non-participation in the everyday life of secular society and Soviet practices. Pentecostals developed a strategy of passive participation in military service, had their own ideas about the possibility of obtaining higher education. They had their own view of Soviet social and cultural life. Pentecostals were subjected to social exclusion due to ideological reasons, but they were able to integrate into Soviet everyday life. In the post-Soviet period, most restrictions ceased to exist and believers were able to adapt to the current situation. At the same time, they retained restrictions based on theological and doctrinal principles. Until now, Pentecostal churches still maintain rules of conduct in everyday life, including those based on the Soviet experience.

© PNRPU

Современное российское пятидесятничество (христиане веры евангельской) многогранно. Существующие церкви имеют разное происхождение и даже разную теологию и форму богослужения, хотя и относятся к одному движению. Среди них есть церкви, имеющие опыт проживания советского прошлого, а есть образовавшиеся в начале 90-х годов XX века.

Российская история пятидесятнических церквей в современных Religious studies занимает значительное место [1–5 и др.], конфессиональные исследователи также уделяют внимание истории своей деноминации [6–9 и др.]. История ХВЕ включена в описание евангельского сообщества и, шире, всего религиозного ландшафта советского и постсоветского периодов. Однако целостная картина пятидесятничества пока еще не сложилась, возможно, из-за того, что в каждый период советской/российской истории и в каждом регионе пятидесятнические общины предлагали свои ответы на вопросы, поставленные жизнью. Поместные церкви имели и имеют консолидированное мнение по каким-то темам, чаще теологического и обрядового характера (например, вопрос о Дарах и крещении Духом Святым или омовении ног). Однако всегда сохраняются гибкие границы допустимого поведения в вопросах внутренней регламентации или повседневной жизни и взаимодействиях в светском обществе. Например, по отношению к военной службе, эмиграции, пророчествам. До сих пор важную роль играет мнение пресвитера или сложившаяся практика внутри конкретной общины. На наш взгляд, остается непроясненным вопрос эволюции взглядов пятидесятников – членов консервативных церквей, в советское время маркированных как «нерегистрирующихся»/«нерегистрируемых»: как было и как стало.

Основой для исследования послужили эго-документы и материалы устной истории, прежде всего интервью пятидесятников. Они были собраны автором в 2000-е годы в пятидесятнических церквях европейской части России (г. Москва, Краснодар, Малоярославец), Урала (г. Пермь и Челябинск), Сибири (г. Тюмень, Ялуторовск, Заводоуковск, Ишим, Нижневар-

товск) и Казахстана (г. Петропавловск). Для статьи были использованы интервью с активными верующими и религиозными лидерами (пресвитерами и епископами), их становление как верующих пришлось на позднесоветский период (1960–1980-е годы) или первые годы постсоветского времени (начало 1990-х годов). Интервью были биографическими нарративными, с акцентом на жизнь верующего в стране с атеистической идеологией.

Опираясь на имеющуюся источниковую базу мы постараемся ответить на вопрос, каким образом трансформировались практики участия в общественной жизни и можно ли говорить, что советский опыт по-прежнему оказывает влияние на формирование норм и практик в среде консервативных пятидесятников.

В советское время всем евангельским верующим приходилось выстраивать внутреннее пространство, в котором сложились специфичные способы коммуникации, регламентация общинной жизни, смыслы (не)участия в повседневной жизни светского общества и советских практиках. Каждая деноминация, в целом имея схожие представления о нормативности, реализовывала их по-своему. Но именно пятидесятники среди прочих евангеликов выделялись особыми религиозными практиками, вызывавшими сильное эмоциональное потрясение у присутствующих. А кроме этого, им был присущ общественный изоляционизм, более заметный, чем у прочих евангеликов. Большинство общин пятидесятников не могли быть зарегистрированы из-за несоответствия советскому законодательству о культурах, и потому воспринимались как незаконные. Неустойчивое положение в обществе и постоянный, зачастую, репрессивный, надзор со стороны государства способствовали вариативности их существования в советской системе: в составе общин ЕХБ и отдельными общинами под руководством Киевского епископата.

В 1976 году в журнале «Наука и религия» была опубликована статья, посвященная пятидесятничеству. Она заканчивается примечательными словами: «Пятидесятничество – относительно небольшое религиозное объединение, находящееся в состоянии кризиса. Но оно существует, имеет своих, хотя и немногочисленных, приверженцев» [10, с. 26]. Действительно, пятидесятники были меньшинством внутри евангельского сообщества. Из-за того что они не были зарегистрированными, их численность известна только приблизительно. Точное количество пятидесятников, как и других верующих в Советском Союзе, вряд ли знали даже надзирающие органы.

Пятидесятники составляли примерно 10–15 % от учтенного количества евангеликов. Однако свою малочисленность они компенсировали активной миссионерской деятельностью среди евангеликов. «Секты, как и другие религиозные течения, не могли не испытать влияния советского образа жизни.<...> В то время как одни из сект неуклонно шли к распаду, в других наблюдались кратковременные всплески активности, случалось, что происходил даже численный рост некоторых общин за счет, в основном прозелитов, которые вели поиски “истинной веры”, переходя из секты в секту», – так написал один из советских атеистов-пропагандистов [11, с. 56]. Если абстрагироваться от идеологически нагруженных коннотаций, то здесь представлено достаточно точное описание евангельского сообщества позднесоветского времени.

Тезис о том, что советские протестанты, несмотря на запреты, активно занимаются евангелизацией, был общим местом в утверждениях властей. В докладе «О некоторых вопросах политики Советского государства по отношению к религии и церкви и задачах Совета» А. Пузин в 1958 году заявил, что «ни одно религиозное объединение, находящееся на территории СССР, не ведет столь активной миссионерской работы среди населения, как сектанты. Для достижения своих целей они используют самые разнообразные средства, проявляя исключительную гибкость в пропаганде своего вероучения» [12, л. 18].

Добавим, что такое описание во многом может быть применено к пятидесятникам (христианам веры евангельской), для которых «духовная» экспансия была нормативным поведе-

нием. Они использовали вынужденное объединение для «миссионерской» деятельности, чем усиливали конфликтность в общении. Эта проблема базируется на теологической доктрине пятидесятников, делающей акцент не столько на покаянии и изменении жизни человека после установления личных отношений с Богом, сколько на изменении определенных свойств природы человека, происходящем после его «духовного» крещения и получения «даров Духа Святого» (см. подробнее: [13, 14]).

Откровенно деструктивная деятельность пятидесятников в отношении общин евангельских христиан и баптистов была хорошо известна еще с конца 1920-х годов. Пятидесятнические лидеры и не скрывали особенно своей тактики. Еще И.Е. Воронаев писал о своих единоверцах: «Ибо действительно, когда эти “трясуны” в силе Духа Святого проникают в общины баптистов или евангельских христиан, то до основания растрясаят их общины и оставляют только щепки да осколки. Их постройки из сена и соломы сторают (1 Кор. 3:12), потому что они воздвигнуты без силы Духа Святого» [15, с. 23]. Пятидесятнические лидеры Г.Г. Понурко и А.И. Бидаш, обсуждая перспективы вхождения во ВСЕХБ, предполагали усиление в этом случае пятидесятнического крыла: «многие евангельские христиане и баптисты под влиянием “более одухотворенных” пятидесятников тоже скоро станут “молиться духом” и говорить “иными языками”».

Феномен «духовного крещения» до сих пор для пятидесятников является основополагающим, а также и заключительным шагом для спасения верующего. И одновременно отношение к этому стало камнем преткновения и/или раздора для всего протестантского сообщества (см. подробнее: [13, 14]). Таким образом, христиане веры евангельской, считавшие себя «духовными христианами», ощущали свою исключительность среди евангеликов. И даже их незначительная численность была этому подтверждением, ведь получивших духовное крещение не могло быть много.

В советском общественном дискурсе утверждалась нацеленность всех евангеликов на социальную эксклюзию. Однако вопрос об эксклюзии и ее инициаторах остается дискуссионным. Даже в советский период единой точки зрения на это не было. Большинство профессиональных «борцов с религией» пытались найти баланс между утверждением об эксклюзии верующих и их потребности в евангелизации окружающих. Типичным объяснением становится следующее: «...можно вести речь о внутренней замкнутости сектантских общин, о стремлении части верующих к самоизоляции. <...> Верующие легко идут на контакты с инаковерующими или вообще неверующими, ставя перед собой вполне определенные цели. И вместе с тем они действительно стремятся к определенной самоизоляции, замыкаясь в кругу узких интересов своей общины» [11, с. 83].

На то, что у верующих были проблемы взаимодействия с государством/обществом, указывали правозащитники. «В газетах часто обвиняют «сектантов» в том, что они отгораживают свою молодежь от жизни, запрещают ходить в кино, на танцы и т.д. На самом деле пятидесятническая молодежь обречена на замкнутость не религиозным запретом, а предрассудками окружающих: появление молодых пятидесятников в общественных местах нередко выливается в их травлю вплоть до избиений» [16, с. 154–155]. Как видим, и те и другие, несмотря на разный вектор описания, используют понятие замкнутости, т.е. подчеркивают невозможность смешивания светских и религиозных норм.

Сложился стереотипный набор представлений о бытовавших ограничениях в религиозной среде. Именно к советским пятидесятникам относится утверждение, что их «призывают отказаться от участия в общественной жизни, от посещения кино и театров, не читать книг и газет, не увлекаться спортом» [17, с. 124]. Такие ограничения преподносились как «прямое

посягательство на личность и права граждан». Верующие в своих официальных заявлениях превентивно опровергают значительный список ограничений, которые им могли быть приписаны. «Все законы, издаваемые правительством нашей страны, признаем и выполняем. Дети наши учатся в школе, вступать в пионеры и комсомол не запрещаем. Медицинским лечением пользуемся как на дому, также и коечным. Работаем на заводе, фабрике или в учреждениях честно. Служим в рядах Советской Армии как в мирное время, так и во время военных действий. Крещение духом святым признаем, если человек имеет один из следующих даров: слово мудрости, слово знания, или исцеление по молитве, или иные языки, или пророчества, но все должно происходить благопристойно и чинно» [10, с. 25–26].

Стандартным обвинением в 70-е годы и позднее становится упоминание об отсутствии телевизоров в семьях верующих. Хотя в действительности телевизоры в пятидесятнических семьях имелись. «Телевизор у нас был, мать (активная пятидесятница. – В.К.) смотрела что-то познавательное» (Ю.Ц., муж., пятидесятник, г. Заводоуковск, Тюменская область, РФ). Неординарный способ использования техники отмечен в аналитической записке Совета по делам религий: «В г. Кривом Роге пятидесятники стали даже приобретать телевизоры. ...Музыка передач должна заглушить моления» [18, л. 99].

Сами же верующие объясняли свое поведение следующим образом: «многие верующие, независимо от конфессий, избегали этих «источников просвещения» /кинематограф, пресса/, но не в силу своего “дремучего невежества” <...>, а в силу своего категорически стойкого неприятия этой технологии лжи, клеветы, извращения действительности, технологии “промывания мозгов”» [7, с. 608]. Однако мы должны учитывать контекст и время возникновения этого высказывания. Автор живет в США, сам текст был написан в 1990-е годы, поэтому здесь можно увидеть желание продемонстрировать свою отстраненность от советского образа жизни. Так же, хотя и другими словами, руководители церковью обосновывают современные запреты: «Даже в настоящем телевидении настолько все худо. Если там был один перегиб – там была война всегда, коммунисты строили, кто-то им мешал, они боролись. А сейчас — это вообще, кроме вреда, ничего не приносит. Поэтому мы точно так же [не разрешаем смотреть]» (В.О., муж., пятидесятник, г. Пермь, РФ).

Наиболее распространенным объяснением становится отсылка к материальным трудностям: «Г: Тогда вообще в многодетных семьях не было телевизора, потому что бедно жили; А: У нас в подъезде у одного был телевизор маленький. И мы там у него собирались. Ой, время девять — пора домой идти, а так охота досмотреть» (Г.К, жен., пятидесятница и А.К., муж., пятидесятник, г. Челябинск, РФ). Хотя встречается и ссылка на мнение взрослых, в данном случае на решение отца-пресвитера. «Всегда хотелось посмотреть телевизор. [А у вас не было?] Нет, у нас отец принципиально был против этого, но не настолько, чтобы препятствовать посещению театральных представлений. Фильмы какие-то в школе – он тоже [разрешал], раз школьная программа. Если касалось только школьной программы, остальное он не приветствовал. Но мы все равно бегали, мы ходили, мы этого искали, хотя он никогда не наказывал, но всегда говорил – худые сообщества возвращают добрые нравы» (В.О., муж., пятидесятник, г. Пермь, РФ).

Евангелики знали и старались опровергнуть сложившиеся представления о автомаргинализации. «Эти стереотипы, что они забитые и не улыбаются – это идеология была. Мать учителям говорит – вот, посмотрите, какие они забитые! Бывало, что ее в школу вызывали, [потому] что мы шкодничали. Вот это – забитые, говорит» (А.К., муж., пятидесятник, г. Челябинск, РФ).

Большинство воспоминаний включают нарративы о чтении книг, поездках на отдых, походах в кино. «Мама разрешала в кино с классом ходить, а в цирк не разрешала, потому что

там гипнотизеры могли быть. <...> Литературу, если разделить на полезную и бесполезную, как мы сейчас это делаем, – мы читали просто все подряд, а полезных вещей просто не прочитали. ...Мы и пропагандистские книги читали, потому что было интересно. Читаешь и думаешь: “Ну, придумали”» (Т.М., жен., пятидесятница, г. Пермь, РФ). Можно утверждать, что акцентирование на детских воспоминаниях связано со встречным нарративом о запретах детям и молодежи участвовать в светской культурной жизни.

Границы запретов были подвижными и проницаемыми. «Следует отметить, что в некоторых семьях находкинских пятидесятников выписываются центральные и местные газеты <...>, а для детей даже «Пионерская правда». Некоторые из них участвуют в социалистическом соревновании, ставя свою подпись под его условиями. Отдельные имеют значки «Победитель социалистического соревнования»» [19, л. 25]. О подобных случаях, но со стороны баптистов, пишет К. Ваннер [20, р. 79–80]. Это случай демонстрации советского двоемыслия, при котором граждане (не только верующие), используя заданные «официальные правила игры» и демонстрируя внешнюю покорность режиму, сохраняли «традиционные местные практики и формы коллективной жизни, системы личных связей и способы использования государства в личных целях, фактические повседневные действия, связанные с защитой от всесильия и преследований со стороны государства» [21, с. 65].

Особенно явно двоемыслие проявлялось по отношению к военной службе. И государство это понимало, хотя и отказывало в праве самим молодым пятидесятникам принимать решение, предполагая, что решение за них принимают лидеры общины. «Нередко верующим не запрещают служить в Советской Армии, но дают им наказ не принимать присягу и подальше держаться от оружия, добываясь работы на кухне, в различных мастерских, в строительных отрядах и т.п.» [19, л. 25]. Отношение христиан веры евангельской к армии было сформулировано еще в конце 20-х годов: «Каждый христианин евангельской веры должен признавать свое государство, Советскую власть и воинскую повинность наравне со всеми гражданами страны» [22, с. 78]. Но весь советский период решение оставалось за самим верующим. Такой подход был связан с позицией религиозных лидеров жить жизнью обычных граждан.

Уточним, что служба в Советской армии имела двойное значение для евангельских верующих. С одной стороны, это было подтверждением признания советского законодательства и в дальнейшем могло использоваться как аргумент при обвинениях в «чуждости», с другой – сами верующие относились к этому как своеобразному «испытанию» веры. «Мы понимали и настраивались, что армия – это оружие, и не детский сад и не школа. Там вопрос может встать очень круто. Может быть, и умирать придется. Для меня идти в армию, это было так – или жить, или умирать. Поэтому я готовился, что, Бог знает, какая [мне] судьба уготована» (В.В., муж., пятидесятник, г. Пермь, РФ).

Молодые пятидесятники в большинстве своем шли в армию добровольно, осознанно. Ситуация, когда они получали неожиданные отсрочки, вызывала скорее чувство обиды и недоумения, чем облегчения: «Выбора не было, шел на службу. Тогда военкомат очень много отсрочек давал, мне было непонятно, почему отсрочки. Обстрижешься налысо [готовишься]. ...И говорят – опять до осени. Потом до весны, потом до осени. Очень много было отсрочек. ... [Призвали] в 21 год. А потом я уже понял, почему отсрочки-то были. ... Военком так и сказал: думал, что он исправится и в хорошие войска его отправить» (В.М., муж., пятидесятник, г. Пермь, РФ).

До армии призывник мог стать членом церкви, приняв водное крещение. В этом случае он отказывался от принятия присяги, так как в религиозной среде существовал негласный запрет на принесение клятвы (присяги): «Прежде же всего, братья мои, не клянитесь ни небом,

ни землю, и никакую другую клятвою, но да будет у вас: «да, да» и «нет, нет», дабы вам не подпасть осуждению» (Иак. 5:12).

Некоторые пятидесятники призывного возраста сознательно старались принять крещение до ухода в армию, пытаясь таким способом утвердиться в своем выборе между светским и религиозным. «Я хотел, чтобы идти уже в армию и быть уже человеком обязанным, членом церкви. Все – это было поворотное» (В.О., муж.). Но если они боялись не выдержать давления, то уходили в армию некрещеными. Хотя официальная точка зрения в пятидесятнической среде отрицает какое-либо принуждение для юношей призывного возраста. И официально никакого наказания за принятие присяги членом церкви не существовало. Однако в некоторых наиболее консервативных общинах пятидесятников такие солдаты могли быть наказаны вплоть до отлучения от церкви. «А из другой части какой-то появлялся пятидесятник, тот принял [присягу]. Такой смущенный был, и говорил: “Как домой теперь ехать?”. **А что ему грозило?** Отлучение, скорей всего. Могли решить по-разному в церкви. Ну да, могли отлучить на какое-то время» (В.М., муж., пятидесятник, г. Пермь, РФ).

В постсоветское время отношение к армии у пятидесятников не поменялось. По возможности верующие призывники стараются попасть на альтернативную военную службу. Действующий федеральный закон об альтернативной гражданской службе был принят в 2002 году. Если это невозможно, то призывники-пятидесятники из консервативных церквей по-прежнему отказываются принимать присягу и брать в руки оружие.

Хотя пятидесятники всячески старались продемонстрировать свою включенность в жизнь общества, одновременно они же демонстрировали убегание от него. Зачастую они заранее обосновывают свое поведение тем, что им «не разрешат», «не позволят», «не допустят». Показательным примером является убеждение в том, что верующие в советское время не могли получать высшее образование. Установка на невозможность поступления в высшее учебное заведение (возникшая изначально из-за дискриминации верующих всех деноминаций – ограничения на право получения высшего образования) стала распространенной философией сообщества, которое сформулировало идейное обоснование нежелательности учебы в вузах: большой риск потерять веру из-за изучения марксистско-ленинской философии, научного атеизма, требований вступления в комсомол и т.п. Именно из-за своего априорного представления о запрете многие даже не думали о поступлении. «Очень много было моментов в вузах, когда видели, что студент – верующий, и исключали. Я сам был неоднократным свидетелем этого. У нас сложилось такое мнение. ...В Москве, в Кишиневе были такие случаи, и мы даже не поступали, это бесполезно. В училище, когда мы беседовали, мне сказали: “Если б мы знали, что ты такой, ты бы не поступил”. Прямо сказали: “А теперь давай не вякай, веди себя тихонечко”» (В.О., муж., пятидесятник, г. Пермь, РФ). Однако случаи учебы в вузах встречались, но не все смогли доучиться из-за проблем со сдачей экзаменов по курсу «Научный атеизм» или так называемых ленинских зачетов. Современная ситуация с образованием выглядит совершенно иначе. В настоящее время большинство верующих среднего и младшего поколения имеет или получает высшее образование. Хотя для части верующих старшего поколения образование, особенно высшее, не является ценностью. Более важным является получение профессионального образования, что обосновывается советским опытом, когда наличие дефицитной профессии позволяло прокормить семью. Единственное ограничение – получение образования в системе МВД или вооруженных сил по тем же причинам, что и военная служба с оружием в руках. А кроме того, внутри всех современных пятидесятнических союзов развита система профессионального религиозного образования.

Советские поведенческие стратегии пятидесятников не предполагали однозначного отгораживания от общества. Во многом их повседневная жизнь описана Ю. Левадой: «Общественную ситуацию нельзя игнорировать, но ее можно оспаривать, осуждать, можно искать в ней “ниши” для более спокойного и отрешенного существования (на деле эти ниши всегда приходится покупать за определенную “цену”» [23, с. 151]. Действительно, пятидесятники находили свои «ниши», в которых могли существовать с разной степенью комфортности [24]. Несмотря на эксклюзивность верующих на идеологическом уровне и ограничение допуска к интеллектуальным и управленческим ресурсам, они были во многом интегрированы в советскую повседневность. В постсоветский период большинство ограничений перестало существовать и верующие смогли легко адаптироваться к ситуации. С отмиранием политических молодежных организаций верующие перестали делать выбор перед вступлением в пионеры/комсомол и открытым вызовом общественному мнению. Получение высшего образования перестало быть политически ангажированным, и поэтому, наоборот, приветствуется в большинстве религиозных семей. В целом общественный изоляционизм перестал быть характерной чертой пятидесятнических церквей. При этом заметим, что если в советский период главным триггером была антирелигиозная/атеистическая идеология государства, то в постсоветский период таким раздражителем становится представление об отсутствии «твердых моральных установок» в обществе.

Список литературы

1. Дьяченко О.В. Пятидесятничество в Беларуси. – Могилев: Изд-во Могилев. гос. ун-та им. А.А. Кулешова, 2003. – 186 с.
2. Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. – СПб: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. – 356 с.
3. Свобода вероисповедания по-советски: тюменская община пятидесятников (христиан веры евангельской) на рубеже 1950–1960-х гг. Документы и материалы / сост., предисл., ком. В. Ключевой. – СПб.: Изд-во Нев. ин-та языка и культуры, 2010. – 184 с.
4. Одинцов М.И. «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой...» История Пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. / Рос. объедин. исслед. религии. – СПб., 2012. – 504 с.
5. История христиан веры евангельской (пятидесятников) Дальнего Востока России (1920-е – конец 1980-х гг.) / С.М. Дударенок, О.П. Федирко, А.И. Поспелова, Н.В. Потапова, О.П. Островская, А.В. Синичкин. – М.: Терция, 2018. – 464 с.
6. Степанов В. Россия в огне Пятидесятницы: обзор всемирной истории Церкви, история раннего русского пятидесятничества и церкви евангельских христиан в духе апостолов (до 1929 г.). – СПб.: Библия для всех, 2020. – 811 с.
7. Франчук В. Просила Россия дождя у Господа. Т. 3. – Киев: Изд-во христ. миссии «Возрождение», 2003. – 1006 с.
8. Ноздрин М.В. Исторические вехи церкви ОЦХВЕ. Путь веры. – Краснодар: Благовестник, 2020. – 326 с.
9. Егоров С. Евангельские церкви Москвы и Московской области в период с 1945 по 1965 год. / Централизованная религиозная организация «Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников)». – М., 2015. – 415 с.
10. Граждан В.Д. «О «духовных дарах» и их почитателях» // Наука и религия. – 1976. – № 12. – С. 23–26.
11. Белов А.В. Секты, сектантство, сектанты. – М.: Наука, 1978. – 151 с.

12. Пузин А. О некоторых вопросах политики Советского государства по отношению к религии и церкви и задачах Совета: докл., 1958 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 165. Л. 18.
13. Белякова Н.А., Ключева В.П. «Она привела меня к баптистам, а я ее к пятидесятникам». Специфика коммуникативных практик евангельских общин в позднем СССР // Диалог со временем. – 2018. – № 62. – С. 294–311.
14. Beliakova N., Kliueva V. "Leadership, communication and conflicts among Evangelicals: Analysis of relations in religious communities in the late USSR" // Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne des Slavistes. – 2019. – Vol. 61, iss. 1. – P. 4–24.
15. Воронаев И. «О Крещении Духом Святым» // Евангелист. – 1928. – № 1. – С. 21–24.
16. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. – Вильнюс – М.: Весть, 1992. – 352 с.
17. Москаленко А.Т. Пятидесятники. – М.: Изд-во полит. лит., 1966. – 224 с.
18. Современное пятидесятничество. Итоги единовременного учета фактически действующих на территории СССР религиозных объединений. 1963 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1424. Л. 99–109.
19. Особенности вероучения и культовой практики секты пятидесятников воронаевского толка (Методическая разработка в помощь лектору). 1976. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1595. Л. 2-30.
20. Wanner C. Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism. – Ithaca: Cornell University Press, 2007. – 305 p.
21. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория, практика. – СПб: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. – Европейский дом, 2008. – 544 с.
22. Воронаев И. «Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям» // Евангелист. – 1928. – № 2. – С. 7–8.
23. Левада Ю.А. «Человек приспособленный» // Сочинения: проблема человека. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. – С. 146–151.
24. Белякова Н.А., Ключева В.П. Честные труженики vs диссиденты: саморепрезентация евангельских христиан в позднем Советском Союзе [Электронный ресурс] // Электрон. науч.-образ. журн. «История». – 2018. – Вып. 7 (71). – URL: <http://history.jes.su/s207987840002379-5-1> (дата обращения: 09.12.2020).

References

1. D'iachenko O.V. Piatidesiatnichestvo v Belarusi [Pentecostalism in Belarus]. Mogilev, Mogilevskii gosudarstvennyi universitet imeni A. A. Kuleshova, 2003, 186 p.
2. Nikol'skaia T.K. Russkii protestantizm i gosudarstvennaia vlast' v 1905-1991 godakh [Russian Protestantism and State Power from 1905-1991]. Saint Petersburg, Evropeiskii universitet, 2009, 356 p.
3. Svoboda veroispovedaniia po-sovetski: tiimenskaia obshchina piatidesiatnikov (khrisian very evangel'skoi) na rubezhe 1950-1960-kh gg. Dokumenty i materialy [Freedom of Religion in the Soviet style: the Tyumen Community of Pentecostals (Christians of the Evangelical Faith) in the 1950s-1960s. Documents and Materials]. Ed. V.Kliueva. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Nevskogo instituta iazyka i kul'tury, 2010, 184 p.
4. Odintsov M.I. «Vy primite silu, kogda soidet na vas Dukh Sviatoi...» Istoriia Piatidesiatnicheskoj tserkvi v Rossii. XIX-XX vv ["You Will Receive Power When the Holy Spirit Comes on You ..."] Istoriia Piatidesiatnicheskoj tserkvi v Rossii. XIX-XX centuries. Saint Petersburg, Rossiiskoe ob"edinenie issledovatelei religii, 2012, 504 p.
5. Dudarenok S.M., Fedirko O.P., Pospelova A.I., Potapova N.V., Ostrovskaja O.P., Sinichkin A.V. Istoriia khrisian very evangel'skoi (piatidesiatnikov) Dal'nego Vostoka Rossii (1920-e – konets 1980-kh gg.) [History of Christians of the Evangelical Faith (Pentecostals) of the Far East of Russia (1920s - Late 1980s)]. Moscow, Tertsia, 2018, 464 p.
6. Stepanov V. Rossiia v ogne Piatidesiatnitsy: obzor vseмирnoy istorii Tserkvi, istoriia rannego russkogo piatidesiatnichestva i tserkvi evangel'skikh khrisian v dukhe apostolov (do 1929 g.) [Russia on the Fire of Pentecost: A Review of the World History of the Church, the History of Early Russian Pentecostalism and the Church of Evangelical Christians in the Spirit of the Apostles (until 1929)]. Saint Petersburg, Bibliia dlia vsekh, 2020, 811 p.
7. Franchuk V. Prosila Rossiia dozhdia u Gospoda [Russia Asked for Rain from the Lord]. Kiev, Izdatel'stvo khristianskoi missii «Vozrozhdenie», 2003, vol.3, 1006 p.

8. Nozdrin M.V. Istoricheskie vekhi tserkvi OTsKhVE. Put' very [Historical Milestones of the OTSKHVE Church. The Path of Faith.]. Krasnodar, Blagovestnik, 2020, 326 p.
9. Egorov S. Evangel'skie tserkvi Moskvy i Moskovskoi oblasti v period s 1945 po 1965 god [Evangelical Churches in Moscow and the Moscow Region from 1945 to 1965]. Moscow, Tsentralizovannoi religioznoi organizatsii Rossiiskii ob"edinennyi Soiuz khristian very evangel'skoi (piatidesiatnikov), 2015, 415 p.
10. Grazhdan V.D. «O «dukhovnykh darakh» i ikh pochitateliakh» [About "Spiritual Gifts" and their Worshipers]. *Nauka i Religia*, 1976, no. 12, pp. 23-26.
11. Belov A.V. Sekty, sektantstvo, sektanty [Sects, Sectarianism, Sectarians]. Moscow, Nauka, 1978, 151 p.
12. Puzin A. O nekotorykh voprosakh politiki sovetskogo gosudarstva po otnosheniiu k religii i tserkvi i zadachakh Soveta, Doklad, 1958 g. [On Some Issues of the Policy of the Soviet state in Relation to Religion and the Church and the Tasks of the Council, Report, 1958]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*, f. 6991, op. 3, d. 165.
13. Beliakova N.A., Kliueva V.P. "Ona privela menia k baptistam, a ia ee k piatidesiatnikam". Spetsifika kommunikativnykh praktik evangel'skikh obshchin v pozdnem SSSR ["She Led Me to the Baptists, and I Brought Her to the Pentecostals." The Specificity of Communication Practices in the Evangelical Communities in the Late USSR]. *Dialog so Vremenem*, 2018, no. 62, pp. 294-311.
14. Beliakova N., Kliueva V. Leadership, communication and conflicts among Evangelicals: Analysis of relations in religious communities in the late USSR. *Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne des Slavistes*, 2019, vol. 61, iss. 1, pp. 4-24.
15. Voronaev I. Kreshchenie Dukhom Sviatym [About Baptizing of the Holy Spirit]. *Evangelist*, 1928, no. 1, pp. 21-24.
16. Alekseeva L.M. Istoriia inakomyслиia v SSSR [History of Dissent in the USSR. The Latest Period]. Vilnius-Moscow, Vest', 1992, 352 p.
17. Moskalenko A.T. Piatidesiatniki [Pentecostals]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1966, 224 p.
18. Sovremennoe piatidesiatnichestvo. Itogi edinovremennogo ucheta fakticheski deistvuiushchikh na territorii SSSR religioznykh ob"edinenii, 1963 g. [Modern Pentecostalism. Results of a One-Time Registration of Religious Bodies Actually Operating on the Territory of the USSR, 1963]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*, f. 6991, op. 3, d. 1424, pp. 99-109.
19. Osobennosti veroucheniia i kul'tovoi praktiki sekty piatidesiatnikov voronaevskogo tolka (Metodicheskaia razrabotka v pomoshch' lektoru), 1976. [Peculiarities of the Doctrine and Cult Practice of the Voronaev's Pentecostal Sect (Methodological Development To Help the Lecturer), 1976]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*, f. 6991, op. 6, d. 1595, pp. 2-30.
20. Wanner C. Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism. Ithaca: Cornell University Press, 2007, 305 p.
21. Firsov B.M. Raznomyслиie v SSSR. 1940-1960-e gody: Istoriia, teoriia, praktika [Dissent in the USSR. 1940s-1960s: History, Theory, Practice]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge – Evropeiskii dom, 2008, 544 p.
22. Voronaev I. «Napominai im povinovat'sia i pokoriat'sia nachal'stvu i vlastiam» [Remind Them to Obey and Submit Rulers and Authorities]. *Evangelist*, 1928, no. 2, pp. 7-8.
23. Levada Iu.A. «Chelovek prisposoblennyi» ["Adapted Person"]. *Sochineniia, problema cheloveka*. Moscow, Izdatel' Karpov E.V., 2011, pp. 146-151.
24. Beliakova N.A., Kliueva V.P. Chestnye truzheniki vs dissidenty: samoreprezentatsiia evangel'skikh khristian v pozdnem Sovetskom Soiuze [Honest Workers vs. Dissidents: Self-Presentation of Evangelical Christians in the Late Soviet Union.] *Elektronnyi Nauchno-Obrazovatel'nyi Zhurnal «Istoriia»*, 2018, iss. 7(71) available at: <http://history.jes.su/s207987840002379-5-1> (accessed 09 December 2020).